



Одна из последних фотографий М. И. Ромма.
Фото Б. Балдина.

РЯДОМ С НИМ

Будучи еще студентами ВГИКа, мы вчетвером — И. Добролюбов, А. Смирнов, Р. Эсадзе и я находились на производственной практике на картине «9 дней одного года», которую снимал тогда наш мастер — Михаил Ильич Ромм.

Она так и называлась — производственная практика. Только потом, спустя некоторое время, мы полностью осознали, что не только и не столько знакомились тогда с кинопроизводством — мы имели счастливую возможность

наблюдать, каким образом гражданская позиция, богатейший духовный мир большого художника отражается на людях, работающих рядом с ним и в конечном результате на фильме в целом.

С гордостью называя себя учениками Михаила Ильича Ромма, мы всю свою жизнь будем стремиться приблизиться к тому идеалу Гражданина, Человека, Художника, черты которого для нас воплощены в образе М. И. Ромма.
Борис ЯШИН.

ПАМЯТИ РОММА

Вот уже целый год прошел. Весной закончил новую картину Тарковский. Новые фильмы сделали в этом году Шукшин, Митта, Трегубович. Кончаловский только что запустился. Это его ученики.

Иногда на афишах встречаешь снова «Обыкновенный фашизм». По телевизору повторяли «Девять дней». Люди смотрят его картины. Кто-то видит их впервые.

Ромм был неповторим, как всякий человек, но более чем кто бы то ни было. Он сознавал свою незаурядность и оставался при этом скромным. Собственно, так оно и должно быть, но бывает не часто. Может, есть люди лучше, чем был он. Талантливее или мудрее. Но вот такого — не будет никогда. Никакими словами не скажешь — как это плохо, что не будет.

Один из многих, я обязан ему главным в жизни. Шкалой отсчета. Потому и пишу не о картинах, об этом искусствоведы напишут лучше, а о личности, о живом, в котором человек и художник слиты неразрешимо. Об учителе.

Дело не в том, стали мы режиссерами благодаря ему или нет. А вот стали ли мы людьми? Жизнь состоит из тысяч компромиссов, больших и малых, и порой нелегко в них разбираться. И кто возьмется провести черту и сказать: здесь кончается добро и зло берет свое начало? А в то же время без постоянного ощущения этой границы жить невозможно, невозможно остаться человеком. Ромм не читал нам лекций по морали. Но всем, что он делал на наших глазах, всем, что он говорил, снимал, писал, он эту границу как бы проводил.

При всей сложности, Ромма можно назвать цельным человеком. На съемке, на трибуне, в своей квартире — он был тот же, я это видел. Его поведение было просто и понятно. И в то же время его поступки пронизывались органическим ощущением причастности ко всему, что происходит на Земле,

личной ответственностью за все, пониманием того, что каждый, казалось бы, самый незначительный твой шаг неизбежно вливается в общую копилку человечества, помогает толкнуть колесо истории еще на миллиметр или притормозить его. Он не говорил этого, он терпеть не мог громких слов, он так жил.

Его ум с точностью прибора откликался на людей, на события, указывая, по какую сторону встать. Занять позицию «над схваткой» ему никогда не удавалось. Ему это было несвойственно и в семьдесят лет. У него был темперамент вояки, но это был нравственный темперамент. Он издавна знал, что за все, что дается человеку, приходится платить — за счастье, за ошибки. И надо обладать мужеством и не пытаться подкупить фальшивую монету. Ромм платил чистоганом — своей жизнью, и не считал нужным жалеть, во всяком случае, вслух.

...И должен ни единой

долькой

Не отступаться от лица,

Но быть живым, живым

и только,

Живым и только до конца.

Таким он был.

Нельзя привыкнуть к смерти.

Привыкнуть к мысли, что человек, которого любишь, который дал тебе столько, что живешь в тебе долгие годы, и незаметно стал мериллом всего, что ты делаешь, чувствуешь, думаешь, что человека этого больше нет.

Жизнь движется, наверное, мы будем жить лучше, чем живем сегодня, в мире станет спокойнее, больше будет хороших картин, талантливых людей. Но его не заменит никто. В нашем кинематографе он был единственным. Он был его совестью и сердцем. Его никто не заставлял, он по доброй воле поднял это бремя на свои плечи и нес до тех пор, пока не упал.

Нести дальше — наша очередь.

А. СМЕРНОВ.

А. МАЧЕРЕТ

Год назад мы потеряли Михаила Ильича Ромма. Сегодня мы публикуем воспоминания его соратников и учеников.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

То, что кино лишилось Михаила Ильича Ромма, больше чем горестная утрата — это большое несчастье. Сочетание свойств его многообразного таланта было на редкость особенным и очень необходимым для решения задач, стоящих перед нашим искусством именно сегодня. Это делает понесенную потерю трудно возместимой.

Прежде всего я имею в виду глубоко самостоятельный, смелый исследовательский характер творчества Ромма — качество, которое объединяло в нем художника и мыслителя. Он стремился проникнуть в глубины жизненного материала и найти в них обобщающий ответ на ставящиеся им трудные и сложные вопросы. Никогда Ромм не ограничивался подергиванием изображаемых явлений под готовый ответ. Пассивная иллюстративность была ему глубоко чужда.

С годами масштаб его мысли укрупнялся и стал вовлекать в сферу художественного исследования жизни все более широкие пространства. Ромм начал с камерности и пришел к изображению неограниченной просторности мира, взятого в целом и охваченного единой авторской мыслью.

В последних своих картинах Ромм настойчиво стремился подвести зрителя к пониманию нераздельности мира, сообщить их восприятию ощущение «глобальности». Так было в «Обыкновенном фашизме». Еще с большей мощью это должно было проявиться в незаконченной картине «Мир сегодня». Смерть Михаила Ильича прервала работу над ней, когда часть материала еще не была собрана, а другая часть не была снята. Готовое еще не было смонтиро-

вано — только начерно подобрано. И отсутствовал дикторский текст.

Такой я увидел эту остановившуюся словно на полуслове картину. Впрочем, то, что я смотрел, называли материалом. И это, по-видимому, было правильно. Пусть так — я был счастлив, что вижу материал еще неизменным последующей работой, какой бы дружественной и талантливой она ни была.

Ведь именно это, а ничто другое, собирался мне показать Ромм. Он сказал об этом во время нашей последней встречи, за несколько дней до того, как прервалась его жизнь.

...В тот раз я встретил его около книжного магазина «Наука» на Советской площади, неподалеку от дома, где он жил. На нем была очень маленькая серенькая кепочка. Она придавала ему какой-то совсем обыденный, удивительно милый вид. Даже чуть юношеский — из-за кепочки, должно быть. Да еще потому, что по неиссякаемой энергии острого и неутомимого ума, по вечно бодрствующему интересу к жизни он принадлежал к славной плеяде духовно нестаряющихся людей. В моих глазах, человека, знавшего его уже более сорока лет, он на одно мгновение даже показался не слишком изменившимся — осталось главное: обаяние умного, интеллигентного, талантливого, доброго и отзывчивого человека. Все тот же неизменный юмор таился в глазах. Но было в них и что-то новое и грустное. Михаил Ильич словно извинялся за то, что стал уже не тем, каким я знал его долгие годы, но ведь — что поделаешь! — остается только развести руками и улыбнуться. И он улыбнулся.

УВАЖЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ

Несколько лет назад, когда работа над «Обыкновенным фашизмом» была в самом разгаре и Михаил Ильич мучительно размышлял над формой фильма, очень уставал и нехорошо себя чувствовал, пришел молодой парень и показал свою работу; Ромм разговаривал с ним два с лишним часа — объяснял, доказывал, спорил, и, когда тот ушел — кто-то из группы не выдержал:

— Зачем Вы тратите на них время и нервы? (Обычно за день появлялось не менее трех человек — учеников или людей, которым необходим просто совет). У Вас своя картина, Вы устааете... Да и работа непонятная... Вы же сами...

Ромм помрачнел, расстроился и сказал:

— Я достаточно много видел за свою жизнь и кое-что знаю, но я никогда не чувствовал в себе права судить человека только на том основании, что я чего-то не понимал. Возможно, это моя вина... Оригинальному, непохожему надо помогать, таланту труднее пробиться...

Он не оставлял своих учеников до последнего дня. Ромм сделал невероятное — воспитал режиссеров, сценаристов, операторов, актеров, которые сегодня определяют лицо нашего молодого кино.

Есть невосполнимые потери. Ничто и никто никогда не сможет заменить тот необычайный синтез мыслей, чувств, эмоций, ощущения мира в целом — всего того, что называется Михаил Ильич Ромм.

Он учил людей, приходивших к нему, прежде всего умению мыслить, любить, чувствовать — умению быть по-настоящему молодым всегда и более всего — в пору зрелости, в пору свершений.

Все остановившееся, окостеневшее, неподвижное было абсолютно ему противопоставлено, отвратительно. Он влюблен в движение, стремительное движение мысли, движение — которое есть жизнь, движение в неизвестное. Его фильмы не только открыты в кино, но только появление новых направлений, но... и это, наверное, самое главное — его фильмы способствуют изменению мира, воспитывают миллионы в любви к человеку, к уважению его неповторимой личности.

Савва КУЛИШ.